

МЫ, СОБАКИ И ДРУГИЕ ЖИВОТНЫЕ

ЗАПИСКИ ДРЕССИРОВЩИКА

ИВАН ЗАТЕВАХИН

АНО
АЛЬПИНА НОН-ФИКШН

Иван Затевахин

**Мы, собаки и другие животные:
Записки дрессировщика**

«Альпина Диджитал»

2015, 2024

УДК 636.7

ББК 46.73

Затевахин И. И.

Мы, собаки и другие животные: Записки дрессировщика /
И. И. Затевахин — «Альпина Диджитал», 2015, 2024

ISBN 978-5-00-223202-4

Перед вами дополненное и переработанное издание книги «Собаки и мы: Записки дрессировщика», в которой автор и ведущий программы «Диалоги о животных» кандидат биологических наук Иван Затевахин отвечает на самые разные вопросы, которыми задаются и начинающие, и опытные владельцы собак. Какая порода вам подойдет? Как правильно играть со своим питомцем? Можно ли отучить его портить мебель и гоняться за кошками? Что такое агрессия и как ею управлять? Что делать, чтобы предотвратить собачью драку? И наконец, как натренировать собаку эффективно защищать хозяина? Если формулировать очень грубо, то невоспитанную домашнюю собаку можно сравнить с невоспитанным подростком. Несмотря на то что она (он) не может без нас существовать, она (он) стремится максимально подчинить нашу жизнь своим прихотям (то есть садится на шею). Собака (как и подросток) будет добиваться своего всеми доступными, зачастую весьма хитроумными способами. Иван Затевахин – многолетний редактор журналов «Друг» и «Мой друг собака», создатель отечественных состязаний по защитной службе «Большой (Русский) ринг» и в прошлом профессиональный тренер собак. Огромный опыт понимания поведения братьев наших меньших он получил не только на дрессировочных, но и на съемочных площадках. Ему довелось общаться с лучшими специалистами мира и участвовать в тренингах, проводимых для самых разных животных – от красных волков и лисиц до варанов, крокодилов и акул. Накопленные знания и навыки автор применяет в дрессировке собак и делится своими наработками с читателями. Для кого Для владельцев собак, тех, кто только мечтает завести щенка, и всех, кто любит этих умных животных. Книга также выходила под названием «Собаки и мы. Записки дрессировщика».

УДК 636.7

ББК 46.73

ISBN 978-5-00-223202-4

© Затевахин И. И., 2015, 2024
© Альпина Диджитал, 2015, 2024

Содержание

Вместо предисловия	8
Часть I	12
Глава 1	12
Домашние и прирученные	14
Соседи и сожители. Механизмы доверия	17
Евразия – колыбель кинологии	20
Всеобщее одворяживание	22
Кто главнее?	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Иван Затевахин

Мы, собаки и другие животные: Записки дрессировщика

Научный редактор: *Ирина Воцанова, научный сотрудник сектора Научных исследований Московского зоопарка*

Редакторы: *Наталья Нарциссова, Анна Щелкунова*

Издатель: *Павел Подкосов*

Руководитель проекта: *Анна Тарасова*

Художественное оформление и макет: *Юрий Буга*

Корректоры: *Елена Воеводина, Ольга Петрова, Галина Сафронова*

Верстка: *Андрей Ларионов*

Ассистент редакции: *Мария Короченская*

Иллюстрация на обложке: *iStock / Getty Images*

Иллюстрации: *Наталья Червякова*

Фотографии: *Ольга Агаджанова, Дмитрий Есич, Елена Затевахина, Владимир Кокорев, Алена Попова, Александр Фиш*

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Затевахин И., 2015, 2024

© ООО «Альпина нон-фикшн», 2024

* * *

ИВАН ЗАТЕВАХИН

**МЫ, СОБАКИ
И ДРУГИЕ ЖИВОТНЫЕ
ЗАПИСКИ ДРЕССИРОВЩИКА**

Москва, 2024

Вместо предисловия

Почему мне пришла в голову мысль написать эту книгу? Вернее, дописать и дополнить ранее издававшуюся книгу «Собаки и мы. Записки дрессировщика»?

Ответ прост: соцсети! Они – движущая сила информационной революции, случившейся на наших глазах. Общение в соцсетях, «письма трудящихся», проведение многочисленных стримов, создание роликов, то есть весьма активная обратная связь от рядовых и не рядовых любителей собак, вполне наглядно показали, что многое необходимо дополнить, уточнить, пояснить и дописать. Особенно это касается части, в которой излагаются основные принципы системной дрессировки. Эволюция домашней собаки, ее место в нашем обществе – все это тоже потребовало дополнительных объяснений. Почему?

Потому что без представления о том, какой уникальный и непростой феномен представляет собой тысячелетняя связь человека и собаки, каковы основы нашего сосуществования, понимать собак, а следовательно, эффективно управлять их поведением не получится.

Да и время, увы, быстротечно. Уходят мои любимые питомцы, герои предыдущего издания книги: давно ушел Гера и уже нет веселого четвероногого гения Горки – великого хитреца и манипулятора. Но по-прежнему рядом Джульетта, приведенная им домой с улицы, а теперь появился и хулиганистый юный Ген.

Все стремительно меняется, меняются наши представления о тех или иных вещах. Наука не стоит на месте. Не стоит и практика. За время, прошедшее с издания первой книги, окончательно разделилась селекция многих пород собак, внутри которых четко выделились типы «спортивных» и «шоу», а в некоторых случаях – «рабочих», «пользовательских» линий. Сформировалась довольно многочисленная (и это радует) категория тренеров, специализирующихся на так называемых комплексных видах спорта с собакой (включающих элементы, где проверяются физическая форма животного, навыки послушания и защиты владельца) и ищущих ответы на разные методические и теоретические вопросы.

Ну и, конечно, на ряд вещей пришлось взглянуть по-новому. Некоторые, в прошлом служебные породы окончательно «переместились на диван», став компаньонами, а некоторые стремительно приближаются к этому состоянию, цепляясь отдельными своими представителями за расплывчатый статус «спортивной» породы.

Немного о грустном. Удивительное дело, сейчас полным-полно разнообразной научной литературы, помогающей понимать поведение животных. На прилавках магазинов и в интернете можно найти труды наших замечательных «классиков», исследовавших поведение животных, – К. Э. Фабри, З. А. Зориной, Ж. И. Резниковой. Свободно можно купить и прочитать увлекательные книги одного из самых уважаемых современных исследователей поведения животных Франса де Вааля. Казалось бы, у нас в стране школа изучения физиологических механизмов поведения имеет глубочайшие традиции: колоссальнейшее влияние на мировую науку оказали теория И. П. Павлова (учеником которого, к слову, считал себя Б. Ф. Скиннер, отец теории оперантного научения), работы Л. В. Крушинского (автора учения об элементарной рассудочной деятельности), П. К. Анохина (создателя теории функциональных систем) и его ученика К. В. Судакова (исследователя мотиваций и стресса), П. В. Симонова (автора информационной теории эмоций). Однако, увы, многие любители собак покупаются на псевдонаучную белиберду, предлагающую «простые и надежные» рецепты решения «всего и сразу». Обычно ее продвигают отдельные доморощенные «гуру», используя те же методы, что и создатели тоталитарных сект. С этим, увы, прогрессирующим явлением тоже приходится разбираться.

И как всегда, есть вещи, которые не меняются. По-прежнему в этом мире существуют собаки, которые не слушаются своих хозяев, убегают от них, дерутся с себе подобными, охо-

тятся на кошек, едят на улице всякую мерзость и загоняют хозяев на диван. По-прежнему многие люди не знают, как выбрать питомца, не понимают, с чего начать его обучение и, вообще, чему стоит его учить. И, увы, мало тех, кто понимает биологию своей собаки, ее потребности и особенности.

Но мы, конечно же, постараемся помочь тем, кому эта помощь нужна!

Впервые я начал публиковать вошедшие сюда заметки в 2009 г. в журнале «Друг», где 12 лет проработал главным редактором. Однако жизнь, как известно, течет и меняется весьма стремительно. Постепенно старые мои заметки и статьи на тему дрессировки дополнялись воспоминаниями о других случаях из практики, а размышления – новыми научными данными. После закрытия печатной версии журнала «Мой друг собака», который мы с Татьяной Катононовой издавали несколько лет, заметки продолжали публиковаться на одноименном сайте, а социальные сети и выпуски стримов на «Ютьюбе» давали возможность общения с самыми разными по уровню подготовки и образования любителями собак и профессионалами.

Огромный опыт я получил и получаю на съемках программы «Диалоги о животных. Зоопарк» телеканала «Культура». В их процессе мне приходится общаться с лучшими специалистами мира и участвовать в тренингах, проводимых для самых разных животных – от красных волков, лисиц, морских львов и котиков до варанов, крокодилов и акул (да-да, их тоже обучают в рамках так называемого ветеринарного тренинга).

Основное время моей дрессировочной карьеры, предшествовавшей карьере медийной, пришлось на тот период, когда собаководство стало стремительно меняться, некогда служебные и чисто утилитарные породы начали превращаться в домашних собак-компаньонов. Это было время, когда новые и революционные на тот период достижения науки сначала со страшным скрипом, а потом все стремительнее внедрялись в практику дрессировки собак.

Так вышло, что дрессировкой я занимался всю жизнь. Как любитель – с детства, с начала 1970-х, как профессионал – с 1980-х до начала 2000-х, а в виде хобби – до сих пор. Я был свидетелем того, как менялся подход к обучению собак, и, надеюсь, в силу своих возможностей этому способствовал. Так уж вышло, что на моих глазах и с моим участием в практику дрессировки, в том числе в защитной службе, начали внедряться гибкие подходы на базе методов оперантного научения, еще до изобретения кликера стали использоваться бридж-сигналы (условное подкрепление). Конечно, революционный поворот в дрессировочных подходах, их модернизация в конце прошлого века, что называется, назрели. Нельзя было до бесконечности «выезжать» на методическом багаже его начала.

Так или иначе, новые веяния рано или поздно пришли бы к нам в Россию: прогресс остановить невозможно. Но факт остается фактом: многие методические наработки вывелись внутри нашей страны, многие приемы стали использоваться нами раньше зарубежных коллег. Застрельщиком «дрессировочных перемен» в начале 1980-х стал Валерий Степанович Варлаков. За ними последовали другие, в их числе Елена Сергеевна Непринцева (ныне руководитель научного отдела Московского зоопарка) и автор этих строк, которые привнесли в практику дрессировки собак достижения современной этологии – науки о поведении животных.

В 1989 г. содружеством молодых в то время ученых-этологов и дрессировщиков собак был издан первый, выдержавший множество переизданий сборник «О чем лают собаки»¹, в котором была опубликована наша с В. С. Варлаковым статья «Системные принципы дрессировки». В ней формулировались принципы дрессировки, основанной на системном подходе к обучению.

Ну а с 1990-х в страну хлынул поток методической информации. Причем наряду с эффективными приемами прицепом к нам приходили и весьма сомнительные достижения различных «гуру» дрессировки, в которых веры в чудо порой было больше, чем логики. Это

---

¹ О чем лают собаки / Под. ред. Е. Котенковой, А. Сурова. – М.: Патриот, 1991.

неудивительно, так как обычно самыми рьяными пропагандистами «наиболее эффективных подходов» были люди без специального образования, хотя и добившиеся успехов в дрессировке.

Читатель, преисполненный скепсиса, может мне не поверить. Но уверяю вас: методики, которые приходили и приходят к нам из-за рубежа (за исключением той вариации оперантного метода, которую использовала Карен Прайор – великий человек и дрессировщик), на поверку не более чем весьма усеченные для частных случаев перепевы и варианты системной дрессировки. К 1990-м мы практиковали ее уже больше 10 лет – благодаря более глубокому знакомству с трудами ученых, занимавшихся исследованием механизмов и функций поведения и обучения животных.

Трудно поверить, но нам, тогдашним энтузиастам обучения собак современными методами, предполагающими гибкий, системный подход к дрессировке, приходилось буквально пробивать лбом стену, вызывая смешки за спиной, делать свое дело, не обращая внимания на интриги в виде статей в газетах, а то и доносы в «компетентные органы». Сейчас это выглядит более чем странно, но предлагаемые нами методы дрессировки, предусматривающие во взаимодействии с собакой обратную связь, тонкое отслеживание ее эмоционального состояния по поведенческим признакам, находили жестокое противодействие у кинологов 1980-х – начала 1990-х.

Сейчас, к слову, маятник качнулся в другую сторону. На смену стародосаафовскому методу «сапога и кнута» (на самом деле он пришел к нам из Западной Европы аж в начале XX в.) под влиянием плохо понятых идей Скиннера и его последователей, а также идеалистических представлений о природе собаки пришли методы так называемой позитивной дрессировки.

В них, к слову, нет ничего плохого – если они учитывают характер и индивидуальные особенности собаки. Однако, когда (и если) зашоренному «позитивщику» попадают собаки агрессивные, с сильным характером и большой доминантной составляющей, его методы рассыпаются в труху (часто потому, что он просто отрицает феномен доминирования как факт). случается, что в результате владельцы расстаются с не поддавшейся увещаниям собакой, бывает даже, что идут на усыпление. А ведь с трудными питомцами успешно справляются практики и тренеры, ориентирующиеся на особенности и возможности конкретной собаки и проверенные годами методы.

Подчеркну: взгляд на дрессировку, который мы тогда предлагали и пропагандировали и который теперь, надеюсь, у нас в стране стал обычным делом, требовал индивидуального подхода к каждой собаке. Но поскольку собаки были самыми разными, то и методы нам приходилось использовать весьма разнообразные.

Сегодня, когда нрав собак существенно «помягчел», в формировании поведения и в обучении подавляющего большинства можно и даже нужно обходиться без особого давления, допуская механическое воздействие лишь в форме аккуратной коррекции. В те же незабвенные времена нам сплошь и рядом приходилось встречаться с по-настоящему злобными монстрами, обладателями неукротимых характеров, причем корректировать приходилось поведение взрослых собак, со сложившимися стереотипами в отношениях с людьми. С такими собаками работа исключительно на положительных подкреплениях была невозможна. Просто потому, что положительные эмоции, получаемые собакой от какого-либо «бесчинства», перевешивали эмоции от кусочков еды, поглаживаний и игр, которые мы могли предложить в качестве альтернативы.

Перестраивать приходилось не отдельные элементы поведения, не отдельные стереотипы, срабатывавшие в той или иной ситуации (скажем, побег за кошкой), а образ жизни, отношение к хозяину, отношение хозяина к питомцу – то есть целый комплекс стереотипов. В этом случае и был эффективен системный подход, подразумевающий, что каждое действие увязано с дру-

гим действием, каждый элемент в связке с другими работает на общее дело. Такой подход, увы, порой подразумевал не только пряники.

Из песни слов не выкинешь, и, бывало, чтобы спасти собаку от печальной участи (выбрасывания на улицу или даже усыпления), приходилось не особо церемониться в методах формирования правильного ее, собаки, отношения к происходящему. Но нужно иметь в виду, что, как бы жестко ни приходилось нам в отдельные моменты действовать, общий эмоциональный фон занятий с собакой всегда оставался положительным: она получала от них удовольствие и радовалась возможности заниматься. Железное правило моей работы: все навыки разучиваются в системе с другими, любое жесткое воздействие немедленно прекращается после принятия собакой позы подчинения или подачи ею мимического сигнала о том, что она все поняла и готова слушаться. Ну а правильное действие всегда хорошо вознаграждается.

Пригодятся ли современному читателю приемы, которые мы порой использовали в те годы и рекомендуем в особых случаях использовать сейчас? А почему бы и нет? И в наши дни на руках у неподготовленных владельцев оказываются весьма жесткие собаки. К слову, у профессионалов-спортсменов, выступающих в защитных дисциплинах, таких собак большинство, но, думаю, они справятся без моих советов.

В этой книге мы описываем главное: определенный подход к дрессировке, который мы называем системным, принципы такого подхода. Его плюс в том, что он позволяет гибко подходить к обучению каждого индивидуума, приемы обучения каждый может выбрать по своему вкусу. Настоящий профессионал должен владеть широким арсеналом приемов дрессировки, а вот как он их будет использовать, какие приемы выберет для разучивания конкретного навыка – это уже его дело.

У каждого стандартного приема обучения командам «рядом», «ко мне» или «апорт» есть множество «подводящих» упражнений, которые способны облегчить выполнение команды. Некоторые из них тут будут описаны, некоторые, за недостатком места, нет. Суть ведь не в приемах, а в системности их применения. Разучивание конкретного навыка должно работать на решение общей задачи, помогать в обучении другим навыкам. Ну и, конечно, методика обучения не должна быть противоречивой. Общий характер требований не должен меняться от навыка к навыку.

Часть I

Информация к размышлению

Что мы знаем о собаках?

Глава 1

Путь четвероногого самурая

Главная добродетель самурая – беззаветное служение своему господину.

ЯПОНСКАЯ МУДРОСТЬ

Дорогой читатель, если ты еще только собрался завести четвероногого друга, правильно оцени свои возможности. Спроси себя, сможешь ли обеспечить ему комфортную жизнь. Извини, что говорю тебе это, но необходимо понимать: собака не игрушка, а живое существо с высоким интеллектом, по некоторым параметрам сопоставимым с интеллектом дошкольника. Знаешь ли ты, что твой будущий питомец испытывает чувства и эмоции, что ему необходимо полноценное общение с хозяином и себе подобными? Сможешь ли удовлетворять его потребности? Уделять ему столько времени, сколько необходимо? Гулять с ним минимум дважды в день по 45–60 минут? Правильно кормить? Играть с ним, потому что это ему нужно?

Если на все эти вопросы ты дашь утвердительный ответ, то задам еще один: знаешь ли ты, как правильно воспитывать щенка? Даже собаководы со стажем не всегда отвечают на него уверенно – я сужу об этом по тому, что пишут мне в социальных сетях. Ответ «с помощью нормативных команд» здорово упрощает реальную ситуацию. Развитие, обучение и, конечно, воспитание щенка обуславливаются не только дрессировкой. Щенок – существо социальное и воспитывается прежде всего ежедневным общением с хозяином. Но как правильно выстроить такое общение? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо понять, кем же, собственно, являются собаки, какое место они занимают в нашей жизни и каковы биологические предпосылки этого.

Данная глава посвящена научным исследованиям эволюции, интеллекта и социального поведения собак. Она адресована прежде всего тем, кому интересно расширить свой кругозор, понять, почему наши питомцы такие, какие они есть, и чем объясняется их поведение. Итак, если ты любознателен и готов погрузиться в мир современной науки, эта глава для тебя!

Домашние и прирученные

В средневековой Японии про настоящего самурая говорили «предан как собака». Но если преданность самурая господину определялась воспитанием в традиции средневекового кодекса бусидо («путь воина»), то откуда у собаки такая привязанность к человеку?

Что такое домашнее животное? В чем его отличие от прирученного? Все просто: домашнее животное дает потомков, которых не нужно заново приручать. Волчат, полученных от прирученных волков, – нужно, тигрят – нужно, домашних животных типа кошек и собак – нет. Домашние животные лояльны к человеку, они способны жить с ним бок о бок и часто полностью зависят от него.

Наверное, вначале следовало бы сказать, что генетические различия между собакой и волком минимальны. Когда журналисты начинают рассуждать о том, что предком домашней собаки был «не тот вид волка», что живет сейчас, они просто не понимают, о чем говорят. Домашняя собака – это подвид волка *Canis lupus*, а именно *Canis lupus familiaris*. Ученые, утверждая, что современный серый волк не был предком собаки, вкладывают в это иной, видимо недоступный пониманию пишущей братии смысл. Упор в этом утверждении следует делать на слове «современный». Они (ученые) имеют в виду тот факт, что в эпоху плейстоцена у серого волка в разных регионах обширного ареала вида было (как есть и сейчас) несколько подвидов и экотипов, один из которых стал предком собаки. В настоящее время дискуссия идет лишь вокруг того, где именно это произошло и какая (или какие) из популяций серого волка подверглась одомашниванию. Так называемый мегафаунный волк, которого полагали предком домашней собаки, был одним из экотипов волка, охотившимся на более крупную жертву, а потому был немного крупнее, «головастее» и имел более крупные зубы, нежели представители других популяций. Как и многие другие представители мегафауны, он вымер в позднем плейстоцене (примерно 11 000 лет назад) из-за резких колебаний климата.

Между тем даже сейчас волки в границах своего ареала выглядят по-разному. И если сравнить полярного волка и волка из степей европейской части России, может показаться, что это представители разных видов. Эволюция идет непрерывно, поэтому неудивительно, что она развела в разные стороны предков собак и современных волков. Вопрос только в том, что (и как) повлияло на этот процесс. Поздний плейстоцен характеризовался серией резких колебаний климата с изменениями температуры. Они коррелировали с вымираниями растительной мегафауны: мамонты, шерстистые носороги, гигантские олени, гигантские верблюды и лошади – всех их больше нет. Глобальное изменение климата повлекло за собой исчезновение тундростепи, и мегафауне просто стало негде жить. Можно аккуратно предположить, что вымирание экотипа мегафаунного волка, появление линий евразийских волков и возможное одомашнивание какой-то из них явилось одним из долгоиграющих следствий исчезновения тундростепи и последовавшей коренной перестройки экосистем.

По последним данным, популяция индийских волков около 110 000 лет назад обособилась от линии евразийских волков (которая и привела к домашней собаке) и тем не менее в биологическом смысле это все тот же вид – серый волк. Тут можно обратиться к такой аналогии: старший брат (индийский волк) остался бездетным, а младший (какой-то из подвидов евразийского волка) родил сына (домашнюю собаку). Все живы и здоровы по сию пору.

Вообще, поиск ответов на вопросы «когда?» и «где?» применительно к одомашниванию волка напоминает настоящее детективное расследование. В разных регионах Евразии – от Бельгии (пещера Гойе) до предгорий Алтая (Разбойничья пещера) – были найдены черепа уже не волков, но еще не собак возрастом 36 500–33 500 лет. Сами понимаете, расстояние между этими точками огромное. Морфологический анализ черепа из Разбойничьей пещеры показал, что древнейшая ископаемая сибирская собака однозначно отличалась от современ-

ных ей волков и очень близка к древней гренландской собаке возрастом всего около 1000 лет. Бельгийский череп сохранился хуже, но тоже «в целом» признан собачьим. Дело осложнялось тем, что из-за значительной изменчивости самых ранних собак и волков их очень трудно отделить друг от друга.

Группа генетиков под руководством Петера Савалайнена, проведя полногеномный анализ 46 собак и 12 волков, определила, что Юго-Восточная Азия стала родиной собак примерно 33 000 лет назад. Правда, там не нашлось этому никаких материальных свидетельств, что напоминает бородатый анекдот про француза, англичанина и еврея, пытавшихся на основе археологических раскопок выяснить, какая нация первой изобрела телеграф. Француз сказал, что французы, потому что обрывок проволоки нашли на обломках Бастилии. Англичанин сказал, что нет, первую проволоку нашли в фундаменте Тауэра. Но выиграл спор еврей: «А у нас в Малаховке копали водопровод и в ледниковой морене вообще ничего не нашли, значит, уже тогда у нас был интернет! И зачем нам этот ваш телеграф?» В общем, у научной общественности возникли вопросы, 30-тысячелетний возраст первых «не совсем волков», но «уже почти собак» подвергся сомнению. А что если «те» собаки вымерли, а на их место позже пришли «другие»? А может, вообще волков одомашнивали в разных местах ареала?

В журнале *Science* (Bergström et al., 2020) был опубликован результат по-настоящему эпикальной трехлетней работы большой международной группы ученых (56 авторов из 20 стран!) под руководством Грегера Ларсона (Оксфордский университет, Великобритания), Понтуса Скоглунда (Институт Френсиса Крика, Великобритания) и Кита Добни (в настоящее время Сиднейский университет, Австралия), к которой присоединилась группа российских ученых (координатор – Я. В. Кузьмин, ведущий в мире специалист по радиоуглеродному анализу, ИГМ СО РАН). Изучению подверглось несколько сотен образцов костей и зубов собак и волков Евразии, собранных в результате раскопок археологических памятников и естественных местонахождений. С помощью методов геометрической морфометрии (создания трехмерных изображений) был проведен анализ формы и размера черепов и челюстей. Затем отобрали кости и зубы с наиболее хорошо сохранившейся ДНК и провели ее анализ. По этим же образцам провели радиоуглеродное датирование.

В результате на основе секвенирования 27 новых геномов древних собак удалось установить, что гипотеза о нескольких центрах происхождения современных собак неверна. Они происходят от вымершей популяции волков из единственного географического центра, точное местоположение которого пока неясно. В любом случае 11 000 лет назад в Европе, на Ближнем Востоке и в Сибири уже существовали как минимум пять основных генетических линий домашних собак, отличных друг от друга. А это значит, что одомашнивание случилось куда раньше и пока непонятно где. Или что сохранились лишь потомки каких-то одомашненных волков, а потомки других не сохранились.

Вы будете смеяться, но самые последние научные данные опять несколько скорректировали предыдущие. Все та же международная группа исследователей в июне 2022 г. опубликовала очередную статью, в которой утверждала, что очагов одомашнивания волка было два: один, основной, в Сибири (его потомки внесли наибольший вклад в современные породы), другой – в Западной Европе. По словам одного из соавторов статьи, Ярослава Кузьмина, современные собаки имеют более тесную связь с серыми волками из Сибири, чем с волками из западных регионов Евразии. Причем древние «восточные» волки являются предками первых собак в Сибири, Северной Америке, Восточной Азии и северо-восточной Европе. ДНК-вклад западноевропейского очага доместикации волка в формирование первых собак Ближнего Востока и современных собак Африки оценивается примерно в 20–60 %, в возникновение неолитических и более поздних собак Европы – в 5–25 %.

В общем, точных ответов на вопросы, где и когда одомашнили волков, так и нет. Я даже как-то предложил в одной из интернет-лекций наложить временный мораторий на объявляе-

ния об открытии предковой популяции и датировке появления первой собаки – подобно тому как Французская академия в свое время наложила мораторий на поиск вечного двигателя. Но это, конечно, шутка. Молекулярная биология становится все более точной наукой, и когда-нибудь мы получим ответ на столь интригующие нас вопросы. Важно, что «родителем» домашней собаки был серый волк... и точка.

Теперь поговорим о движущих силах эволюции – собак, разумеется. Еще Конрад Лоренц считал возможным, что люди одомашнили древних волков, которые двигались за ними в их охотничьих экспедициях. В свое время мы осторожно предположили, что ведущим направлением отбора в процессе одомашнивания должен быть естественный (!) отбор диких (!) волков на лояльность по отношению к человеку. Эту точку зрения разделяют все больше исследователей. Сам процесс получил название «самоодомашнивание». Есть разные версии механизмов подобной кооперации диких волков. Одну из них выдвинули Л. и Р. Коппингеры – исследователи поведения собак.

Суть предположения заключается в следующем. До того как начался собственно процесс одомашнивания, некоторая часть волков эволюционировала, постепенно приспосабливаясь взаимодействовать с древним человеком, живя рядом с его стоянками. Причем преимущество получали те особи, которые не видели в людях добычу и врагов. Какая-то часть этих волков превратилась в мусорщиков, питавшихся отбросами, причем отбор благоприятствовал самым лояльным.

Известный антрополог и палеобиолог Пэт Шипман предложила несколько иную версию самоодомашнивания волков. Она связывает исчезновение неандертальцев в Европе (примерно 40 000–38 000 лет назад) с ранее случившимся вторжением людей современного типа, кроманьонцев, на Европейский континент. Так вот, успех кроманьонцев, выигравших конкуренцию с неандертальцами, по мнению Шипман, был предопределен охотничьими ассоциациями первых с неким экотипом волков. Волки помогали не только охотиться, но и защищать добычу от хищников-мародеров². То, что не климат был виной исчезновения неандертальцев, а проигранная конкуренция за ограниченные пищевые ресурсы, подтверждает моделирование Института фундаментальных наук (Южная Корея).

Однако слабость версии «военно-охотничьего союза» древних волков и людей заключается в том, что, как я писал выше, самые ранние находки черепов «не совсем волков» в Европе датируются возрастом 36 500 лет (пещера Гойе). А это гораздо позже заката неандертальских людей. Однако даже если неандертальцы вымерли раньше, чем человек приручил волка, необходимость охотиться и защищать добытое от разных четвероногих и двуногих разбойников не сходилась с повестки дня у наших предков еще пару десятков тысячелетий.

В популярной литературе, как правило, описывается такой механизм одомашнивания: убивая волчицу, первобытные охотники брали с собой волчат, которые воспитывались в племени; потомки этих волчат и становились предками собак. Эта схема довольно сомнительна. Во-первых, она не учитывает механизмов отбора, ведь для того, чтобы волчонок мог быть приручен и, главное, впоследствии вел себя как собака, он должен иметь способности к подобным подвигам. Современные волки приручаются, но очень по-разному, и, что важно, их потомки такие же дикари, как родители. Во-вторых, чтобы проводить направленную селекцию, нужна база поголовья. Это не одна и даже не 10 особей. Также «селекционеру» нужно множество как материальных, так и временных ресурсов, которых у первобытных охотников априори быть не могло.

Все это подтвердил неудачный эксперимент с пермскими волкосомами. В 2005 г. профессор В. М. Касимов (Пермский военный институт внутренних войск МВД России) из-за отсутствия нормального рабочего поголовья немецких овчарок начал скрещивать их с вол-

---

² Подробнее об этом см.: Шипман П. Захватчики: Люди и собаки против неандертальцев. – М.: Альпина нон-фикшн, 2019.

ками. Основательницей линии была уникально лояльная к людям двухлетняя волчица Найда. Очевидно, что за 18 лет (срок для селекции небольшой) определенных успехов профессору достичь удалось: некоторые метисы даже служили – в меру способностей, но управляемыми и по-настоящему домашними они так и не стали. Каждый раз процесс их обучения был одновременно и процессом одомашнивания.

История знает массу примеров с другими хищными, детенышей которых воспитывали в человеческих семьях – от гепардов и медведей до волков, однако ни один их потомок не стал столь же домашним, как собака. Степень «прирученности» была довольно разной и во многом зависела от индивидуальных особенностей конкретной особи. Но никто из ручных животных эту свою «прирученность» по наследству не передал – ибо, как вслед за Дарвином учит нас школьный учебник биологии, благоприобретенные отдельной особью в процессе индивидуального развития признаки не наследуются.

Многочисленные попытки скрещивания домашних собак с шакалами, волками и койотами показывают, что потомки этих скрещиваний (если они не были поглотительными со стороны собак) остаются все же дикими, хоть и прирученными животными. А чтобы из метисов получилась по-настоящему домашняя собака, должно пройти не одно десятилетие и смениться много поколений в жестком отборе на лояльность к человеку.

От момента начала эксперимента с поглотительным скрещиванием волка с собакой до принятия породы волчья собака Сарлоса прошло 55 лет (с 1926 по 1981 г.). Для того чтобы путем скрещивания шакалов и собак вывести породу, особо чувствительную к запахам, – собаку Сулимова, или шалайку, Климу Тимофеевичу Сулимову понадобилось более полувека кропотливой работы. В Новосибирске академику Д. К. Беляеву и Л. Н. Трут с соавторами понадобилось почти 60 лет, чтобы, используя отбор на лояльность по отношению к человеку, вывести «домашних» лис. Причем предки первых 130 лис, выбранных учеными для одомашнивания, были не вполне дикими: долгое время их разводили на канадской ферме на острове Принца Эдуарда. Так что «платформа» для процесса одомашнивания могла начать формироваться даже несколько раньше 1959 г., в котором и начался новосибирский эксперимент. В общем, простая логика подсказывает: предположение, что волка в собаку путем направленной селекции терпеливо и со знанием основ зоотехники превратило несколько поколений одетых в шкуры охотников и собирателей ледникового периода, относится к области научной фантастики.

Итак, еще раз повторю: главное отличие прирученных животных от по-настоящему домашних заключается в том, что потомков первых необходимо заново приручать (как это делают дрессировщики в цирке или порой киперы в зоопарке). С домашними животными воспроизводить в каждом поколении процесс приручения не требуется. Собаки и – в меньшей степени – кошки готовы жить и существовать именно в тех условиях, которые им предложит хозяин.

Но если приручение «в лоб» не приводит к одомашниванию, то что же приводит?

Соседи и сожители. Механизмы доверия

Ответ на вопрос «что же приводит к одомашниванию?» помогает нам найти царица биологических наук – экология. Человек и собака – биологические виды, эволюционные линии которых разошлись около 60 млн лет назад. Тем не менее они связаны особенными, почти интимными отношениями. Что получает собака от человека с позиции экологии? Самое главное – еду и кров. Что получает от нее человек? Как говорится, по ситуации. Описывать всевозможные функции домашней собаки не станем за неимением места, тем более что они общеизвестны.

Для того чтобы понять степень взаимозависимости двух видов, заглянем в прошлое, когда они только начинали взаимодействовать. Особо отметим, что взаимодействия разных видов животных в природе – обычное явление. Разные виды китообразных образуют так называемые межвидовые агрегации для совместной охоты на косяки рыб. Да что китообразные – «глупая» рыба тунец во время охоты демонстрирует нечто очень похожее на кооперацию с дельфинами!

Более того, удавалось наблюдать и даже снять на видео временную кооперацию у диких животных, обычно жестко конкурирующих друг с другом. Причем в фокус зрения исследователей попали представители подотряда псообразных. Так, где-то в Африке одиночная пятнистая волчица (ликаон) создала временный союз с шакалом и... с лютым врагом в обычных обстоятельствах, самым коллективным представителем подотряда кошкообразных – пятнистой гиеной! В это же время наискосок через Атлантику, в Северной Америке, ученые наблюдали странный союз койота с барсуком. Их кооперация была довольно плотной и не одноразовой. В объектив попало, как союзники собирались на охоту. Койот загонял добычу в нору, барсук нору разрывал, и койот хватал добычу, когда она пыталась спастись. Еды хватало обоим.

Еще более тесные отношения демонстрируют нам подводные жители. Раки-отшельники «сожительствуют» с актиниями. С актиниями же в любви и согласии живут рыбы-клоуны, известные широкой публике по кинофильму «В поисках Немо». Из экзотики могу привести в пример голотурию (морской огурец), в заднем проходе которой живут рыбки жемчужницы, а на теле – крохотные креветки и другие ракообразные. Правда, не всегда и не все виды голотурий рады таким сожителям – тогда их анальное отверстие обзаводится специальными анальными зубами.

Яркий пример обоюдного согласия и выгодного сосуществования являют собой креветки-чистильщики и мурены. Мурены, как известно, сидя в дневном убежище (охотятся они ночью), вентилируют жабры, широко открывая рот. Однажды во время подводных съемок в Красном море мне довелось примерно час наблюдать, как в разинутой пасти мурены полосатые креветки-чистильщики аккуратно соскребали с остроконечных зубов хищницы остатки ее ночной трапезы. В этих отношениях все прекрасно, и все остаются довольны: креветки получают еду и защиту (кто их тронет во рту мурены?), а мурена – чистые и здоровые зубы.

Отношения между видами, не чреватые негативными последствиями для одной из взаимодействующих сторон, а иногда и обоюдно полезные, называются симбиотическими. Когда выгоду получают обе стороны, отношения называются мутуалистическими. Те случаи, когда животные разных видов охотятся вместе, являют собой пример протокооперации, одной из форм симбиоза. Тут животные разных видов, действуя вместе, получают больше выгоды, однако они вполне могут существовать и раздельно. Другой пример кооперации, еще больше напоминающий «наш» случай, – отношения между крупными копытными саванн и птицами волоклюями, буйволовыми скворцами. Птицы не только очищают животных от наружных и подкожных паразитов, но и выполняют функции сторожей, криками и поведением предупреждая об опасности. Хотя выгоду получают обе стороны, активность проявляют птицы, копытные же сохраняют индифферентность, «милостиво» позволяя себя «обрабатывать».

Безусловно, у симбионтов должны быть механизмы опознавания друзей или союзников, работающие по принципу «свой – чужой». Например, актинии не жалят и не хватают щупальцами рыб-клоунов – у тех вырабатывается особая слизь, позволяющая им смело нырять в щупальца актинии.

Каковы же современные отношения собаки и человека? Как мы понимаем, они все же в целом (пожалуй, за исключением собачек той-группы) пока не тянут на пример тесной связи, но очень близки к ним. Теоретически собака может прожить без человека – одичав. Да и человек хоть и с трудом, но может обойтись без собаки. Эти отношения весьма похожи на отно-

шения птиц и копытных: собака, как и волоклюи в Африке, получает от симбионтов выгоду, в обмен на еду выполняя (порой) охранные функции.

Но даже межвидовая протокооперация выковывалась в течение многих сотен тысяч (в случае обитателей кораллового рифа) или тысяч (в случае человека и собаки) лет совместных притирок друг к другу – в процессе так называемой коэволюции. Яркий пример коэволюции – адаптации тех же рыбок жемчужниц, полупаразитов, живущих в анусе голотурий. У жемчужницы веретенообразное тело, лишённое чешуи, брюшных и грудных плавников (чтобы проникать в свое живое убежище, причем хвостом вперед). Анальное отверстие у рыбки расположено максимально близко к горлу, поэтому, чтобы опорожниться, ей достаточно просто высунуть голову из ануса голотурии.

Таким образом, для того, чтобы отношения двух видов стали поистине симбиотическими, пусть даже и протокооперативными, они, безусловно, должны пройти стадию межвидовых агрегаций. Каков наиболее часто встречающийся характер отношений между двумя плотоядными (питающимися мясом) видами, охотящимися на одну и ту же добычу? Предельно конкурентный, как у современных африканских хищников (львов, леопардов, гепардов, гиен, пятнистых волков), когда отдельные примеры кооперации социальных животных разных видов, о которых мы говорили выше, лишь подтверждают общее правило. Эти виды не упускают случая убить более слабого или детенышей конкурента.

Другой путь – как-то приспособиться жить с конкурентом. Если тунцы могут мириться с присутствием рядом дельфинов, то почему бы предкам собак не научиться извлекать выгоду из сосуществования с предками людей? В дальнейшем, когда кооперация углублялась, отношение «протособак» к людям должно было становиться все более и более лояльным, то есть неагрессивным. Что, по-видимому, и происходило.

Многие виды животных приспособились жить рядом с людьми, получая выгоду от близкого соседства. Различные птицы, грызуны, мелкие хищники являются постоянными спутниками людей. Такие животные называются синантропными. Для появления более тесных отношений с человеком, на животных должен «давить» отбор, дающий преимущества наименее агрессивным, наиболее лояльным к человеку особям. И конечно, нужно быть полезным. Например, умением ловить мышей. С появлением поселений на Ближнем Востоке около 9000 лет назад трюк с постепенным приучением людей к мысли о собственной незаменимости проделали дикие степные коты, эволюционировавшие постепенно в домашних кошек. При этом им, конечно, пришлось немного укротить свой необузданный нрав и стать покладистее в отношениях с человеком.

Тот же путь значительно раньше прошли и собаки. Однако сильную связь между человеком и собакой должны обеспечивать специальные механизмы. Коэволюция закономерно привела к тому, что у собак и человека появились врожденные механизмы, заставляющие собак искать общества людей, а людей – общества собак.

Уже ставшие классическими исследования ученых из Университета Азабу (Япония) установили, что при контакте человека и собаки в крови обоих существенно повышается уровень окситоцина, так называемого гормона любви. Окситоцин снижает тревогу, вызывает чувство удовлетворения и спокойствия рядом с партнером. Существование такого механизма объясняет феномен взаимной привязанности людей и собак. Более того, у собак в процессе эволюции появилась специальная мимическая мышца, с помощью которой они делают «бровки домиком». Задействовав эту мышцу, собака способна вызвать прилив окситоцина у самого сурового человека, если он не законченный живодер, конечно. У собак появилась врожденная способность распознавать намерения людей, а у людей – распознавать намерения собак.

Кроме того, у собак выработалась одна важная «привычка» – они стремятся заглянуть своему хозяину в глаза. Софья Баскина, исследователь поведения собак и лошадей и, к слову, изобретатель оригинальной методики обучения владельцев азам этологии на основе наблюде-

ний за собственными питомцами, в своей кандидатской диссертации показала, что чем теснее связь собаки с владельцем, тем чаще она заглядывает ему в глаза (и наоборот) и тем эффективнее процесс обучения. Вот это желание сконцентрировать внимание на себе, заглядывать человеку в глаза для прогнозирования его поступков, и отличает домашнюю собаку от других животных. Конечно, и другие животные обучаются заглядывать человеку в глаза. Как-то раз в уютном зоопарке чешского города Глубока-над-Влтавой я поймал на себе пристальный взгляд росомахи. Секундой ранее я метнул в ее вольер (было время кормления) кусок мяса на кости и по направлению моего взгляда она (так мне, во всяком случае, показалось) пыталась понять, за какой куст я его забросил. Так что животные, особенно зоопарковские, ловят взгляд человека, пытаются определить его направление. Но это, по всей видимости, выученное поведение. Однако никто не делает это так часто и регулярно, как собаки, и, главное, никто не использует для манипуляции людьми. Это чисто собачье «ноу-хау», видовая особенность – то, что строго между ними и нами.

Когда же началась взаимовыгодная кооперация предков собак и людей?

Горячие (если таковые вообще водятся среди ученых) головы утверждают, что как-то приспособившись к постоянному присутствию предков человека разнообразные хищные млекопитающие – псовые, кошки разных размеров, гиены – начали очень давно. Возможно, тогда, когда двуногие приматы сами только что вышли из леса на просторы травянистых саванн в поисках добычи (мелких зверей, птиц и беспозвоночных) и свежей (и не очень) падали, которую они могли скопом отбивать у некрупных хищников – или делиться с хищниками остатками.

Евразия – колыбель кинологии

Примеры межвидового взаимодействия диких животных и людей мы можем наблюдать и сейчас. Так, пятнистые гиены ночью приходят в город Харэр в Эфиопии, где им специально оставляют кости. Очевидно, что в эволюционном плане способность спокойно приходить в город в поисках еды – следствие длительной «привычки» жить рядом с людьми и, скажем так, уметь вести себя с ними дипломатично или даже «по ситуации». Более того, несмотря на крайнюю внутривидовую агрессивность, гиены очень легко приручаются, если котенка (напомню, что гиены – представители кошачьего ствола хищных) взять из логова в раннем возрасте. Сравнительно недавно генетический анализ останков пятнистых гиен показал, что они в течение 2,5 млн лет синхронно с людьми волнами мигрировали из Африки в Евразию и обратно. Сначала с ранними людьми (эректусами), а потом и с более поздними (неандертальцами, сапиенсами). Однако дальше фазы «сосуществования» взаимодействие гиен и людей не пошло – в качестве рабочей гипотезы выскажу мысль, что одомашниванию препятствовал специфический запах гиен и их привычка этим запахом метить все вокруг.

В отличие от близких к кошкам гиен, серые волки (как мы помним, предки собак) не профессиональные падальщики. Они не могли бы «прилепиться» к человеку в качестве исключительно «санитаров». Да и в Африке, колыбели человечества, серые волки никогда не жили.

Человек (точнее, его прямые предки) «спустился с дерева» около 4 млн лет назад, наш вид сложился примерно 700 тыс. лет назад в Африке. А предки современных пятнистых волков (гиеновидных собак, ликаонов) пришли туда около 1,2 млн лет назад. Возникает весьма интригующий вопрос: почему африканские пятнистые волки (гиеновидные собаки) не смогли стать спутниками людей? Тут, вероятно, дело в том, что ликаоны как вид просто намного старше современных людей и раньше специализировались. Современные люди формировались в свободной экологической нише, иной, чем та, которую занимали и занимают пятнистые волки. Предки людей и первые *Homo*, как известно, изначально были в основном собирателями и мародерами, захватчиками чужой добычи. А пятнистые волки – типичные стайные охотники

на сравнительно крупную жертву, которую поедают сразу же, как только удастся ее добыть. У таких отнять что-либо сложно.

В Африке есть еще и абиссинские (эфиопские) волки, как вид сформировавшиеся примерно 1,7 млн лет назад. Это некрупные псовые, специалисты по мышкованию и «друзья» обезьян гелад, с которыми у них установилось что-то вроде протокооперации. Волки не трогают детенышей гелад, зато уничтожают грызунов – конкурентов травоядных обезьян, а они не гоняют волков.

Почему абиссинские волки не стали спутниками людей? Возможно, потому, что к моменту формирования абиссинских волков как вида современных людей еще не существовало, а наши предки с довольно агрессивными геладками старались не связываться и просто жили в других биотопах. Так что до поры до времени особых пересечений у абиссинских волков и людей не было.

В любом случае первые плотные контакты людей и псовых состоялись лишь на просторах Евразии – вотчины древней линии серых волков. Но на этот континент человек разумный вступил уже в качестве сверххищника. Очевидно, что первые контакты волков и людей не могли быть идиллическими.

Логика подсказывает, что раньше, чем у людей появились более или менее стационарные стоянки или стойбища, решительного поворота в сторону самоодомашнивания волки совершить не могли. Но этому повороту, опять-таки рассуждая логически, должна была предшествовать привычка сосуществования. Волки, вопреки обывательскому мнению, существа более-менее оседлые, у каждой стаи своя, пусть порой и обширная, территория. Между территориями соседних стай есть буферные зоны, в которые они могут заходить, но за свою территорию каждая стая сражается.

Можно предположить, что охотничьи территории волков и первобытных охотников в предполагаемом месте первичного одомашнивания как-то совпадали. Должна была возникнуть «традиция» сосуществования. Волки должны были научиться «понимать», какие люди опасны, какие нет, когда лучше уступить свою добычу, а когда воспользоваться остатками чужой, терпеливо следуя за группами первобытных охотников. Возможно, в местах таких контактов постепенно выделились группы волков, которые не пытались конкурировать с людьми, а, напротив, образовывали с ними нечто вроде протокооперации. Такие группы и утилизировали остатки (если таковые случались) трапез первобытных охотников, и охраняли добычу (вспомним гипотезу Пэт Шипман). Очевидно, что при этом преимущество получали наиболее лояльные, не агрессивные по отношению к людям особи.

Похожий поведенческий феномен я наблюдал у песцов острова Медный (один из островов Командорского архипелага) во время съемок фильма «На краю земли Российской».

– Иван Игоревич, смотрите за рюкзаком, – услышал я ироничный голос великого орнитолога, своего друга и многолетнего соавтора Евгения Коблика.

Мы только что высадились на мыс Юго-Восточный острова Медный, в район самого большого в нашей стране лежбища северных морских котиков и сивучей. На пляже, на свободном от зверей пятачке, живописной кучей лежало наше съемочное оборудование, из которого операторы шустро извлекали нужные им «железяки», снаряжая камеры. Звукорежиссер Виталий Павлов, водрузив на голову наушники, сосредоточенно возился с «удочкой», увенчанной микрофоном, одетым в мохнатую ветрозащиту (в народе называемую «собакой»). Он собирал коллекцию интершумов, и его лучше было не трогать. На внешние визуальные стимулы «всевидящее ухо», как называли мы нашего боевого товарища за глубокую осведомленность во всех экспедиционных процессах, понятное дело, практически не реагировало.

Запахавшись после высадки, я бросил рюкзак рядом с общей кучей и только-только присел на валун, задрав голову. Передо мной на несколько сотен метров вверх почти вертикально поднимался покрытый изумрудной травой обрыв. Где-то там, наверху, располагалась база уче-

ных, к которой нам предстояло в конце концов подняться. Обрыв, как мне удалось рассмотреть при подходе к острову с моря, был невероятно живописен, но этот факт ничуть не добавлял мне энтузиазма. Карабкаться в довольно жаркий летний день пару сотен метров вверх по древней лестнице, ступеньки которой в одних местах прогнили, а в других просто отсутствовали, с рюкзаком, пусть и небольшим... согласитесь, та еще перспектива. Тут-то я и услышал призыв коллеги.

– А что такое, Евгений Саньч? – перевел я взгляд на излучающего оптимизм и совсем не запыхавшегося орнитолога, деловито расхаживающего по пляжу с биноклем на груди. – Опять ваши пернатые нацелились на наше оборудование?

В летопись наших с Кобликом совместных приключений на Командорах особой строкой вписана высадка на славный своими птичьими базарами остров Топорков, после которого мы долго отмывали от птичьего помета верхнюю одежду и рюкзаки.

– Да нет, теперь это ваши млекопитающие, скорее, – с нажимом сказал Коблик и взглядом указал мне на песца, который подкрадывался к нашим вещам. Даже не очень-то и подкрадывался, а, скорее, осторожно, но вполне уверенно примерялся к нашей куче, а именно к моему рюкзаку, в котором нашлось место и термосу, и пачке печенья. Понятно, что одиноко валявшиеся и тем более правильно пахнущие предметы в первую очередь входили в сферу интересов четвероногого обитателя острова Медный. Я немедленно подтащил рюкзак поближе к себе, а Коблик, подхватив штатив от камеры, легкой пружинящей походкой бывалого естествоиспытателя поспешил к лестнице. Песец, убедившись, что просто так стащить ничего не удастся, спокойно уселся неподалеку, ожидая, видимо, дальнейшего развития событий.

Наглость песца объясняется просто. Долгие годы на острове работают группы ученых, часть из них исследуют поведение морских млекопитающих, а некоторые – самих песцов. Длительное соседство с добродушными учеными, у которых при случае можно стащить что-то съедобное, естественным образом привело к тому, что преимущество получали неагрессивные, но настойчивые животные. Не вызывая особого раздражения людей, они всегда могли рассчитывать на добавку к рациону: мы, как и все приматы, существа неряшливые. В результате песцы Медного почти не боятся человека. Эпизод на пляже был не единственным. Все встреченные нами на острове полярные лисички без малейших признаков агрессии буквально крутились под ногами нашей съемочной группы, не оставляя надежды урвать что-то интересное.

Это отсутствие страха и агрессии к людям и есть самые-самые первые маленькие шаги к лояльности и самоодомашниванию. Однако это всего лишь предпосылки. А что же происходит с видом, подвергшимся одомашниванию?

Всеобщее одворяживание

Как я писал выше, в 1970-х гг. новосибирские ученые, академик Д. К. Беляев и Л. Н. Трут, опубликовали первые результаты эксперимента³, вошедшего сейчас во все учебники биологии. На одной из звероферм Канады они взяли лис, которых разделили на три группы по отношению к человеку: агрессивных, трусливых и дружелюбных. Нас интересуют лишь лисы дружелюбные, поэтому результаты селекции в остальных двух группах оставим вне рассмотрения, хотя они тоже весьма показательны. Двадцать лет селекции дружелюбных лис, когда на протяжении многих поколений отбирались самые лояльные к человеку, привели к неожиданному результату. У лис из этой группы появились типичные дворняжки признаки: белые пятна, хвост закрутился кольцом, они стали общаться с людьми с помощью новых, особых звуков. Ну и,

---

³ См. об этом эксперименте подробнее: Дугаткин Л., Трут Л. Как приручить лису (и превратить в собаку): Сибирский эволюционный эксперимент. – М.: Альпина нон-фикшн, 2019.

кроме всего прочего, дружелюбные лисы стали щениться два раза в год – а не один, как делают их дикие родственники.

Многие из этих черт присущи всем одомашненным животным. Разнообразные окрасы, их причудливость, изменение пропорций тела – следствие одомашненности, признаки, которых нет у животных диких.

Но как связаны окрас, форма хвоста и изменение агрессивности? Возможно, дело в том, что по этим параметрам снизилось давление отбора. Уровень агрессивности определяется гормонами (в первую очередь тестостероном, адреналином, норадреналином и вазопрессином, глюкокортикоидами), выделение которых контролируют соответствующие структуры мозга (гипоталамус и миндалины). Известно, что мозг функционирует как система, поэтому изменение уровня гормональной активности, определяющей агрессивность, закономерно могло привести к изменению работы всего аппарата гормональной регуляции у лис академика Беляева.

Если от лис перейти к домашним животным, то стоит добавить, что инфантильные, детские черты, как известно, вызывают определенную и весьма закономерную реакцию у людей – поэтому преимущество в размножении получали животные с выраженной «детскостью» в облике.

Кстати, сохранению диких волков в том виде, в каком они дожили до современности, во всяком случае, на просторах нашей страны, по-видимому, способствовал отбор, закрепляющий недоверие к человеку. Характерный признак привычных нам волков – антропофобия, боязнь людей, которую они способны по-настоящему преодолеть только в коллективе и только в очень мотивированном состоянии – во время голода, к примеру.

Но, похоже, как это бывает сплошь и рядом, действительность сложнее наших о ней представлений. По интернету гуляет ролик, в котором абсолютно дикие и непуганые волки с любопытством идут на контакт с канадскими работягами в полярной части этой страны.

Замечательный зоолог Николай Александрович Формозов рассказывал следующую историю. Друг его отца, выдающегося эколога, зоолога и натуралиста Александра Николаевича Формозова, Уильям Пруитт еще в 1960-е гг. фотографировал на острове Девон (в арктическом секторе Канады) волка, «который схватил из-под ног Пруитта варежку, она была на снегу, и, пока хозяин щелкал фотоаппаратом, начал ее трепать, как делают собаки, а потом припал на передние лапы, предлагая включиться в игру...». То есть в отдаленных арктических регионах Канады сохранились популяции непуганых волков, которые просто не знают человека и не видят в нем ни врага, ни объект охоты и легко вступают с ним во вполне дружелюбный контакт. Возможно, они показывают нам пример того, как предки собак вступали в контакт на просторах Евразии с первыми выходцами из Африки.

А может быть, антагонизм человека и волка и, соответственно, антропофобия последнего возникли только после того, как наши предки одомашнили некоторых травоядных, которых волки рассматривали как законную добычу? Раньше-то им делить особо нечего было... Хотя, с другой стороны, судя по данным, полученным антропологами, волки были такой же добычей хомо сапиенса, как и другие животные. Их ели, в их шкуры одевались. Значит, несмотря на это, популяция «лояльных» волков размножалась не менее успешно и оставляла не меньше, а со временем и больше потомков, чем популяция «дикарей». Волки многоплодны, и если рядом с человеком еды много, выживать и множиться легче, то потерю каких-то особей в результате охоты можно и не заметить... В общем, непросто все было.

Так или иначе, механизм, который удалось смоделировать академику Беляеву с соавторами на лисицах, очевидно, работал и при самоодомашнивании волков. Лояльность к человеку означала снижение социальной агрессивности по отношению к нему, снижение антропофобии, и, что немаловажно, исключение человека из возможных объектов охоты. Таким образом, отбор наиболее лояльных к человеку особей – вот главная предпосылка к одомашниванию волков и превращению их в собак.

В широком смысле лояльность – это не только отсутствие агрессивности, но и врожденная способность «понимать», точнее, *воспринимать* сигналы, исходящие от вида-сожителя. Не секрет, что собака (как, впрочем, и кошка – каким бы крамольным это утверждение ни показалось любителю собак) в период социализации «запечатлевают» не только особей своего вида, но и человека!

Добавлю, что суки, в отличие от волчиц, выкармливают щенков без участия отца. Это и понятно: зачем суке помощь кобеля, если человек даст ей то, что нужно? Даже у покинувших человеческое жилище собак (бездомных и парий) остается этот видовой признак. Он, кстати, очень полезен – ведь щенки, начиная с приблизительно трехнедельного, возраста «запечатлевают» человека и в результате развивают способности, которые помогают им в будущем правильно вести себя с людьми и разбираться в нюансах человеческих слабостей.

Таким образом, повторю это еще раз, в процессе эволюции под действием естественного отбора преимущество от сожительства получали наиболее лояльные к человеку особи – те, которые не только меньше боялись человека, но и были менее агрессивны по отношению к нему.

Связь человека и собаки очень сильна. Замечу, что во взаимоотношениях с человеком у собак проявляются две на первый взгляд взаимоисключающие поведенческие тенденции: к доминированию (это свойственно всем коллективным животным – доминируя, животное пытается поставить под контроль ситуацию) и к подчинению. Даже самая злобная и агрессивная собака нуждается в человеке – за исключением случаев, когда полностью дичает. Вне своей территории и в случае сильного голода, без поддержки себе подобных она проявляет признаки лояльности к человеку, идет с ним на контакт.

Но это не все, чему отбор «научил» собак. У них появилась еще одна очень важная способность – подстраиваться под людей и манипулировать ими. Об этом дальше.

Кто главнее?

Вообще, социальные отношения не такая простая штука. Немного забегаю вперед, отмечу еще одну важную вещь. Порой приходится слышать довольно примитивное объяснение наших взаимоотношений с домашними питомцами. Например, проводятся параллели между отношениями человека и собаки и отношениями в стае диких волков. Дескать, в стае волков есть альфа-лидер, и все остальные ему подчиняются. Так и хозяин собаки должен быть для нее абсолютным альфа-лидером. Некоторые, к слову, делают на этом бизнес, снимая на «Ютьюбе» популярные ролики, в которых дают универсальные рецепты, как достичь в дрессировке «всего и сразу». Однако время и научные исследования показали, что и у волков в группах все совсем не просто, а у бездомных собак и подавно, поэтому тезис «равняемся на стаю волков» просто несостоятелен – не на то равняетесь.

Но абсолютизация иерархических отношений в группе – это одна крайность. Другая крайность, исключительно популярная среди приверженцев так называемой новой кинологии, заключается в том, что доминирования вообще (!) не существует.

Я долгое время не мог понять, откуда взялось это скорее идеологическое, нежели научное течение. Откуда, как говорится, растут ноги у столь необычных взглядов? И тут вспомнил далекий 1982-й, академгородок Пушкино и организованную Евгением Николаевичем Пановым Школу молодых ученых, посвященную этологии. Полная аудитория молодых дарований, среди которых будущие доктора наук, профессора и как минимум один академик. Все с напряженным вниманием слушают, как Михаил Ефимович Гольцман, замечательный этолог, делает доклад по своей нашумевшей статье «Социальный контроль поведения млекопитающих: ревизия концепции доминирования». Это было время, когда ведущие этологи мира начали разбираться с описанием социальных взаимодействий животных – и Гольцман был в их числе. О,

если бы он знал, какое смятение в нестойких умах отдельных собаководов через много лет произведут статьи на эту тему, возможно, назвал бы свою работу иначе!

Что пытался сказать нам Михаил Ефимович? Что в отношениях «доминирование – подчинение» все непросто. Что знаменитый «порядок клевания», открытый у кур, когда особи, как по росту, выстраиваются в линейку – от самой главной к подчиненной – результат неправильного истолкования не вполне корректно проведенных исследований.

– Все намного сложнее, – объяснял Гольцман. – Правило «кто сильнее, тот и прав» работает в социумах далеко не всегда. Вот, например, интересное исследование провели в Орегоне, в Региональном центре по исследованию приматов. В большом стаде японских макаков самец высшего ранга по кличке Эроухед сохраняет свое положение примерно полтора десятка лет, то есть с тех пор, как стадо было туда завезено! – На этих словах скептики из числа молодых ученых зашевелились: дескать, чего тут нового? (Сразу признаюсь, что среди молодых скептиков был и я.) Доминирующий самец макака – агрессивный монстр, раздающий оплеухи, – сами сто раз видели такое в зоопарке.

– У Эроухеда нет клыков, одного глаза, и он один из самых маленьких самцов в стаде, – продолжал тем временем Гольцман (у притихших скептиков округлились глаза). – Тем не менее, – с нажимом произнес докладчик, – никто и никогда не видел посягательств на его авторитет как альфа-самца. Более того, когда Эроухед атакует других самцов, они никогда не вступают с ним в драку, а просто убегают. Японские специалисты решили, что Эроухед на момент исследования был просто очень уважаемым самцом. Короля, как известно, играет свита. Вот свита и оказывала уважение ветерану, поддерживая его статус-кво. Это очень важная штука – таким образом поддерживаются стабильность и порядок в группе. (Тут скептики понимающе заулыбались, свет сокровенного знания осветил их лица.)

– Другой пример из жизни приматов приводит Франс де Вааль, – добивал сомневающихся Михаил Ефимович. (Сейчас Франс де Вааль входит в десятку самых влиятельных людей мира по версии журнала «Таймс», тогда же он был молодым нидерландским исследователем.) – В группе яванских макаков старый самец, вожак (доминант), однажды был сильно ранен своим сыном, субдоминантом. Что между ними произошло, никто не знает, возможно, сын просто защищался, но не рассчитал своей мощи. Он вообще был вдвое больше отца и намного сильнее. В результате битвы старый вожак в этот день несколько раз демонстрировал свое подчинение молодому самцу, и оба были очень «деликатны» в своих взаимоотношениях. Пару дней они сильно нервничали, и раздражение свое, что характерно, вымещали на других членах группы, действуя совместно. Но, что интересно, сын даже не пытался занять место папаши. Статус-кво не поменялся, старый макак так и остался альфа-самцом. И, как предполагает Франс де Вааль, отец боялся своего сына, однако сына удерживал «престиж» отца.

Действительно, замечу я много лет спустя, отношения в группе – штука трудно меняемая в краткосрочной, так сказать, перспективе. Да и не нужно менять их часто, учитывая накал страстей в мире макаков (как-то ведь этот самый Эроухед потерял свой глаз?). Группе нужна стабильность, длящаяся хоть сколь-нибудь существенное время. Постоянные битвы могут разрушить и свести на нет любой социум.

Поэтому тут я отметил бы следующее. Установленный порядок выгоден всем членам группы (им так проще), поэтому он поддерживается самими животными. И не обязательно прямым насилием. Хотя порой возникают малоприятные эксцессы – насилие лидера над членами группы. Ничего личного, чисто животные взаимоотношения.

Теперь вспомним, с чего мы начали. Мы говорили о феномене доминирования и его трактовке. Конечно же, иерархические отношения, доминирование одной особи над другой (другими) никуда не девается, просто все значительно сложнее, чем кажется непосвященным. Иерархия – это установившийся порядок, доминирование – это процесс. А этология – наука тонкая.

За прошедшие сами посчитайте сколько лет было показано, что жизнь в группах разных животных сложна, многообразна и, главное, их отношения не линейны. Псовые не приматы, и тем не менее описывать, допустим, стаю волков как строго иерархическую систему – дело безнадежно устаревшее уже несколько десятилетий как.

Многочисленные исследования показали, что уж во всяком случае в стае диких псовых, несмотря на многолетнюю стабильность (авторитет главной пары никто не ставит под сомнение), нет безоговорочных «паханов», которые в «ручном» режиме управляют группой, доминируя во всем и принимая все главные, жизненно важные для группы решения. Стая устроена куда разумнее, различные функции распределены между всеми членами сообщества: кто-то следит за порядком, кто-то первый на охоте, а кто-то – в конфликтах с чужаками. Очень часты равноправные альянсы между особями, причем часто между разнополыми, например братом и сестрой, которые даже попыток спариться не делают. Ну и, конечно, доминирование вовсе не равно тирании. Применительно к домашним собакам тиран и деспот в битве за диван и миску может быть абсолютно несамостоятельным в остальных сферах жизни – совсем как непослушный подросток.

Замечательный классик отечественной этологии, Поярков-старший (есть и младший, не менее знаменитый Николай Андреевич Поярков, но он больше по лягушкам и тритонам, поэтому сейчас не о нем), на основании многолетнего прослеживания «индивидуальных судеб» бездомных собак предложил для описания устройства их групп социально-ролевую модель. Она, как мне кажется, в куда большей степени отражает реальное положение вещей. Смысл ее в том, что групповые взаимоотношения собак проще описывать с позиции их функций: каждая особь играет определенную роль в группе и занимает определенное положение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.